

БЕЛЫЙ ВАЛЬС

Рос. Вестн. - 2003 - 28 янв. - С. 79.

65-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО ПОСВЯЩАЕТСЯ...

25 января - день рождения Владимира Высоцкого. Он навсегда остался в нашей памяти молодым, полным творческих сил. Нам не суждено увидеть седину на его висках. Поэты в России долго не живут.

Белее снега, белый вальс,
кружись, кружись,
Чтоб снегопад подольше
не прервался!
Она пришла, чтоб пригласить тебя
на жизнь, -
И ты был бел - бледнее стен,
белее вальса.

Юный, полный надежд, сил и вдохновения, неподвластный рассудку Высоцкий кружит в бесконечном восхитительном ритме вальса жизни. Постепенно и незаметно легкие и грациозные па сменяются более спокойными. При этом робкий, смущенный и, как всегда, ищущий, он заново и заново пытается если не ответить, то хотя бы поставить перед собой, а значит, и перед нами вечно волнующие вопросы. Их так много...

Ты внешне спокоен средь шумного бала,
Но тень за тобою тебя выдавала -
Металась, ломалась, дрожала она
В зыбком свете свечей...

Романтичность, какая-то особая, индивидуальная, не причастная к сентиментальности и, казалось, не-обходимой в таких случаях чувственности, обволакивала, притягивала, заставляла по-новому взглянуть на все те же жизненные проблемы. Предчувствие волновало.

Потеряла и свежесть и прелесть
Белизна ненадетых рубаш.
Даже прежние песни приелись
И навязли в зубах.

Откуда эти безысходность, духовная усталость, рано посетившие поэта? Примета времени или особенность духовной организации?

Все единою болью болит,
И звучит с каждым днем
непрестанней
Вековечный надрыв причитаний
Отголоском старинных молитв.

Закончился вальс, отзвучали последние аккорды, но живы рифмы, дышащие духовным одиночеством. Каждое слово пропитано страданием, трагизмом, щемящим чувством меланхолии, яростным возмущением, несогласием и удивлением. Предчувствием.

Притомился - приляг!
Вся земля - для бродяг.
Целый век у тебя впереди.
А прервется твой век -
Там, в земле, человек
Потеснится - давай заходи!

В вырывающемся из груди поэта исступленном крике все чаще слышится отчаяние. Чувства обострены, душа в поиске духовного начала, которое даст возможность избавиться от власти зла.

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь - наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх -
Навек, навек.
Для остановки нет причин -
Иду скользя...
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!

Шаг за шагом... к преодолению. Еще одна ступенька. Еще один рубеж. Вдох - выдох. Беспокойное истерзанное сердце не дает покоя. Все труднее и труднее с каждым четверостишием. Больше, чем страдания, больше, чем недуг, мучило неприятие душой окружающего мира с его тривиальным бытом, с необходимостью лжи и суеты, застилающими сияние и мечту.

Чуть помедленнее, кони,
чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плетть!
Но что-то кони мне попались
привередливые -
И дожить не успел, мне допеть
не успеть.
Я коней напою, я куплет допою -
Хоть мгновенье еще постою
на краю...

Крестный путь, предназначенный поэту, - в его собственной душе и только в ней. Он обречен нести крест своего чувства, в котором трагическое и предельно высокое сплетено с бытовым и каждодневным. Он - ПОЭТ, оставивший потомкам и обличительные строчки, и задушевные интонации. Он остался услышанным и прочувствованным.

Татьяна ТИТОВА.